

Глава III. Противоречия и вымыслы в представленных версиях

Мы намеренно с большими подробностями описали различные, публично известные версии: каждая из них и с большой уверенностью пытается раскрыть тайну гибели Дуррути. Но как бы мы ни утруждали своё воображение, ни одна не является достаточно конкретной и достойной доверия, чтобы «стать последним словом в этом вопросе». Разногласия между этими описаниями и внутренние противоречия аннулируют их как неоспоримую истину, но это совсем не означает, что каждая версия сама по себе не содержит положительных элементов. Возможно, если собрать эти элементы вместе, то удастся воссоздать картину, наиболее близкую к действительности. Но это уже предположения в стиле детектива — не совсем подходящего жанра в исследовании исторического характера.

Версии, вращающиеся под влиянием сталинистской орбиты, начиная с заявления газеты «Известия», яркого описания событий хроникёром литературного приложения к «Таймс» и, наконец, представленная Федерико Браво Моратой (он пишет, что «Дуррути вступил в ряды КП при условии сохранения в тайне этого факта до определённого момента»), нацелены на два направления, причём не обладая никакой точкой опоры: завладеть личностью Дуррути и заодно обречь анархизм как таковой. Русский кинооператор Кармен, смело утверждая, пишет: «В рядах анархистской организации состоят в основном авантюристы, способные убить Дуррути». Все эти варианты происшествия, ввиду их настойчивого характера, не вызывают доверия. Верно то, что некоторые официальные заявления Дуррути могут быть истолкованы в смысле коммунистической пропаганды на тему единства в борьбе с фашизмом. Однако Дуррути дал вполне ясно понять, что именно он считал единством действия. И в его утверждении не было ни тени сомнений. Его последнее публичное выступление — это текст, написанный им для «русских рабочих». Когда в Бухаралосе встал вопрос о поездке делегации в Россию, он лично высказался против; но в силу того, что Военный комитет колонны принял решение одобрить эту поездку, Дуррути лично написал приветственное письмо. В нём не было ни одного упоминания ни имени Сталина, ни большевиков, ни советского правительства. Это были слова рабочего в адрес таких же простых рабочих, как и он, призывавшие их к революционным действиям в поддержку пролетариата, борющегося за социальную революцию и твёрдо намеренного вести её до конца. Так как это письмо — последние слова, написанные Дуррути официально, нужно обладать весьма богатой фантазией, чтобы видеть в Дуррути «эволюцию к большевизму».

Другой аспект, на который намекает сталинизм в лице Пьера Бруэ, Хьюга Томаса и Доминика Десанти — что «с Дуррути могли покончить его соратники», — представляет из себя наиболее грубое оскорбление, которое только можно нанести тысяче бойцов колонны «Дуррути», погибших при обороне Мадрида. Участники колонны «Дуррути», отбившие из Арагона, хотя нам и трудно признать это, не только глубоко верили в Дуррути, но и следовали за ним без какого-либо сомнения до самой смерти. Любой из них был готов умереть вместе с ним. Влияние Дуррути на них основывалось на фактах его борьбы в прошлом. И эти прошлые заслуги ещё более усиливались как в Арагоне, так и в Мадриде, ввиду его постоянного присутствия на линии фронта. Если и существовало противоречие между Дуррути на его посту делегата колонны и Дуррути как рядового члена организации, оно состояло именно в том, что он исполнял свои обязанности руководителя не из дома номер 27 на улице Мигель Анхель или Вентана Монсона, а на передовых фронтовых позициях. Можно только допустить, что некто, член его колонны, был неменяемым человеком и смог выстрелить в Дуррути при условии, что его поступок — единичное действие.

Однако необходимо более подробно объяснить этот пункт. Мы уже рассказали о том, как в Мадриде генерал Висенте Рохас назначил Дуррути ответственным за участок Университетского городка. И также мы уже писали, что именно одна колонна от Коммунистической партии (продвигающая «единое командование») отказалась подчиниться анархисту Дуррути; таким поступком КП показывала, что она придавала унитарный характер своему лозунгу «единого правления». Тем не менее ввиду того, что официальный приказ сохранился в архивах, является фактом, что колонна «Либертад-Лопес Тьенда», несущая ответственность за форсирование националистами реки Мансанарес, находилась под командованием Дуррути и, следовательно, носила имя «колонна “Дуррути”».

Полагаясь на этот официальный приказ, Мартинес Банде совершил ошибку, назвав её анархо-синдикалистской, и сам историк, описывающий войну в Испании, был вынужден признать свою неточность. Однако эту ошибку не исправили ни Хьюг Томас, ни Пьер Бруэ, ни другие, продолжающие путаницу в отношении колонны «Дуррути».

Висенте Рохо, поставивший под начало Дуррути колонну «Либертад-Лопес Тьенда» в период сражений в Университетском городке и в Клиническом госпитале, таким же образом определил под его контроль другие подразделения в Мадриде, в их числе — роты карабинеров. На участке, занятом подразделениями Дуррути, сражались бойцы, которым удалось выжить ещё со времён сражений начальной колонны, прибывшей из Арагона, и кроме того, другие части, трудно определимой политической окраски. Если убийца Дуррути и существовал на самом деле, то его надо искать среди этих людей, которые были определены под его начало в Мадриде, которые его не знали и не любили и, быть может, не разделяли его идеологических убеждений. Когда новые историки захотят взяться за исследование войны в Испании, мы можем порекомендовать им обойтись без библии Кольцова и запомнить описанные здесь факты, которые соответствуют исторической правде тех ноябрьских дней 1936 года.

Необыкновенное воображение Хауме Миравитлеса

Автор этих строк тоже присутствовал на выставке, организованной в Барселоне в 1938 году. На ней, действительно, был выставлен экспонат — «рубашка», но вовсе не кожаная куртка, на которой можно было увидеть «отпечаток пороха». Миравитлес увидел знаменитую рубашку через стекло, но она не была извлечена из витрины для исследования. Следовательно, врачи, приглашённые Миравитлесом, сделали своё заключение о «пятидесяти сантиметрах» — расстоянии, с которого был произведён выстрел, — наблюдая за предметом одежды через стекло витрины? Рикардо Санс в настоящее время жив, и именно он явился организатором выставки, посвящённой Дуррути в 1938 году. Так, он может свидетельствовать о том, дал ли он разрешение Миравитлесу «забрать рубашку для лабораторного анализа».

Перейдём к его второму заявлению. Эмилианне Моран, вдова Дуррути, вместе с дочерью, покинула Барселону вскоре после его гибели, с тем чтобы начать работу в организациях, основанных во Франции для поддержки испанской революции. Мы расспросили её о присутствии на официальном банкете, где она имела возможность беседовать с Миравитлесом. Её ответ был категоричен: «Она никогда не посещала какой-либо официальный банкет в Барселоне и знакома с Миравитлесом только по наслышке, так как тот занимал должность в Центральном комитете милиций. Она слышала, как о нём говорили в доме Диего Абада де Сантьяна, где она остановилась на какое-то время, когда Дуррути находился в Мадриде».

«Санти» — военный советник Дуррути

«Санти — курьёзный персонаж, о функциях которого в Испании никогда не станет известно. Он использовал ряд имён, или его знали под рядом имён, хотя, кажется, его собственное было Х. Д. Мансуров. Эренбург всегда упоминает его как Хаджи, а Кольцов называет его Санти. Со слов Эренбурга, Хаджи был чрезвычайно отважным и даже проникал в тыл противника. Кавказец по происхождению, он мог сойти за испанца. Многие из того, о чём пишет Хемингуэй в своей повести “По ком звонит колокол”, взято из рассказов Хаджи американскому писателю»³⁵. Добавим к портрету Хаджи, написанному Эренбургом: он был полковником советской армии и входил в русский Главный штаб в Испании под командованием Ивана Берзина (Гришина).

Наши многочисленные расследования среди людей, окружавших в Мадриде Дуррути (Хосе Мира, Антонио Бонилья, Рикардо Рионда, Либерто Рос, Мора и др.), не указали нам каким-либо образом, что Санти состоял при Дуррути военным советником. Все единогласно заявляют, что единственными советниками Дуррути были Мансана и его собственное чутьё. «Возможно, что главный штаб Дуррути посещали русские военные, но ни один из них не остался постоянно в штабе». Из всего вышесказанного можно заключить, что Кольцов — как

и в других местах его повествования — слегка запутал историю, создавая вымышленных персонажей или придавая реальным лицам вымышленные функции.

Версия кинооператора Кармена причудлива; это касается роли, которую он отводит Хаджи в отношениях с Дуррути, а также описания выезда Дуррути в Университетский городок в сопровождении впереди едущих четырёх мотоциклистов. В главном штабе на улице Мигель Анхель был только один мотоциклист — Мора, связной Дуррути. Тем не менее в этом фантастическом рассказе Кармена есть нечто, интригующее читателя. Почему Кармену понадобилось написать целый абзац на тему гибели Дуррути? Русский кинооператор указывает время смерти: в границах от 14:30 до 15:00. Ответ Хаджи конкретен: «Они убили Дуррути. Только что»³⁶. Кто же были эти «они»? Затем следует текст, содержащий критику на анархистов: «Предательский выстрел в спину оборвал жизнь Дуррути в момент самой напряжённой борьбы его с самим собой и с “классическими” анархистами. Он мучительно хотел порвать с окружавшей его камарильей авантюристов и начать настоящую безоговорочную борьбу за свободу Испании. Он был честным человеком, он готов был сделать правильные выводы из всего, что происходило на его родине, — очевидно, поэтому его и убили». Выражение «они» двусмысленно; так, это может означать «классические» анархисты, а также — фашисты, а также люди Орлова, ГПУ. Всё это подозрительно: каким образом Хаджи стало известно обо всём в те самые минуты, когда Дуррути был ранен, между тем как Мера, Валь и пленум военных узнали об этом приблизительно в 17:00...?

Версия комментатора «Таймс»

Эта безумная версия страстно следует намерениям сталинизма, указанным нами в описании Кармена; её даже до сих пор (1976) придерживается сталинист Энрике Листер. Однако детали, которые предоставляет этот автор, противоречат реальным фактам (мы имеем в виду сцену произошедшего), и это ещё более усиливает его литературную фантазию.

Историк «Таймс» никоим образом не упоминает о действиях колонны в Мадриде, и его версия подразумевает, что целью поездки Дуррути в столицу явилось «заключение альянса с правительством и Коммунистической партией: ... покинул свою охрану. Когда соглашение было достигнуто, спустя пятнадцать минут, когда он выходил из помещения, его убийцы — “Друзья Дуррути”, — обосновавшись у окна со стороны улицы, на которой находилось здание, где был подписан договор (иными словами, здание коммунистов?), предательски выстрелили ему в спину».

Автор упоминает «окно», но не балкон. С балкона можно осуществлять контроль за улицей, но из окна — нет. Окно наверняка располагалось очень близко к двери. Было ли это окно того же самого здания? Несмотря на обилие деталей в описании, историк забывает существенное: название улицы, расположение окна и в конце концов — каким образом ему стало известно, что переговоры длились пятнадцать минут?

Ничего из того, о чём повествует английский комментатор в отношении сцены гибели Дуррути, не соответствует действительности. От начала до конца его рассказ — чистый вымысел. Даже убийцы, которых он называет «Друзья Дуррути», как таковые не

существовали, как верно указывает Мельтцер.

Автор утверждает, что Коммунистическая партия была заинтересована в распространении версии, что Дуррути погиб в бою. Однако все источники сталинистского толка, начиная с Кольцова, распустили слухи: Дуррути был убит одним из его соратников, ввиду того, что «начинал открывать глаза», иными словами, эволюционировал к большевизму.

Этот историк заявляет, что Дуррути был убит выстрелом в спину и в присутствии многочисленных свидетелей. Что же предприняли зрители и «знаменитый охранник Дуррути» для задержания преступника? Никто не сделал абсолютно ничего, и тот спокойно ретировался. Принимая всё это во внимание, можно прийти к заключению, что присутствующие, включая коммунистов — ведь покушение произошло на пороге входной двери в здание, — были сообщниками...

Английский комментатор оказывается неспособным логично и основываясь на фактах обосновать свою фантастическую версию — он прибегает к крайнему средству, которое предоставляет ему Хьюг Томас: «убийцами могли быть люди, выдающие себя за анархистов». Быть может, эта подробность, если предположить, что имело место убийство, могла бы стать единственно важной в этом невероятном рассказе английского автора о гибели Дуррути.

Корман и анонимное свидетельство

Вариант Кормана, который ссылается на анонимное свидетельство члена колонны и также опирается на начальную версию, опубликованную в *Solidaridad Obrera* (при выходе Дуррути из автомобиля, раздался выстрел, наверняка произведённый из одного из окон небольшого отеля в Монклоа), открывает новое русло для расследования. Однако, к несчастью, мы не смогли найти никого, кто бы подтвердил этот факт. Военные из НКТ, которые занимали должности в Хлебопекарном профсоюзе и с которыми мы побеседовали, не смогли вспомнить тот факт, о котором нам упоминает анонимный свидетель. Тем не менее, если бы это и было верно, то доказало бы следующее: действовали элементы «Пятой колонны», или «люди, выдающие себя за анархистов», руководимые какой-либо секретной службой; а в те времена главенствовала ГПУ...

Моссен Хесус Арналь-Монтото

Нам остаётся проанализировать теорию о несчастном случае, пущенную в обращение Моссеном Хесусом Арналем.

Хесус Арналь утверждает, что целью написания его «мемуаров» явилось не что иное, как обоснование его присутствия в колонне «Дуррути». Однако вся его работа сводится к расследованию и доказательству того, что смерть Дуррути произошла в результате глупого несчастного случая. Просто несчастный случай, или «неосторожность», как пишет Рикардо Санс, — это одно и то же. Иначе говоря, задержаться в пункте, где идут бои, означало,

вопреки своей воле, искать собственной гибели. Этой теории придерживается Рикардо Санс, и она довольно логична, ведь любая другая, увидевшая свет, как, например, версия Хесуса Арналя, не выдерживает самого простого критического анализа.

Теория несчастного случая, предложенная Хесусом Арналем, основывается на трёх фундаментальных аспектах: ею с ним поделился Рикардо Рионда; Федерика Монтсени подтвердила этот рассказ, и таинственный «кабальеро Рагар» также заверил её правдивость. Оставим в стороне ранее указанное противоречие в диагнозе врачей (кажется, Хесус Арналь не помнит о нём). Также не представляет особого интереса марка автомобиля (сначала это «Испано», затем, по словам «Рагара» — «Бьюик» и наконец — что более точно — это «Паккард», согласно показаниям Бонильи). Мы уделим внимание показаниям таинственного «Рагара». «Наранхеро» стукнулся о подножку авто, что означает: Дуррути не удалось выйти из машины. «В машине находились Мансана, Бонилья, “Рагар” и водитель. Несчастный случай произошёл на Пласа де Монклоа, на углу Пасео Росалес, в четыре часа пополудни, 19 ноября 1936 года. Федерика Монтсени и Мариано Р. Васкес взяли с нас клятву о неразглашении».

Рассмотрим место происшествия. На Пласа де Монклоа впадают, исходя из центра Мадрида, улицы: Фернандес-де-лос-Риос и де-лаПринсеса. Справа от Пласа-де-Монклоа находится, слева — улица де-Морет, а в конце этой улицы начинается Пасео-де-Росалес Пасеода-Исаак-Пераль, полностью открытый, и всё происходящее на нём просматривается. Между Пласа-де-Монклоа и Пасео-де-Росалес нет никакого угла. Стоило только просмотреть карту Мадрида — и «Рагар» не совершил бы такой оплошности. Подразделения колонны «Дуррути» занимали позиции в точке Стадиума. На Пласа-де-Монклоа также находились ряд частей под командованием Рикардо Рионды. Сцена, описываемая «Рагаром», — или неверная, или преследует цель ввести в заблуждение историков. Теперь перейдём к пассажирам автомобиля. Мансана не упоминает о «Рагаре»; Хулио Гравес тоже не делает этого; не говоря уже о Рикардо Сансе. Что касается Бонильи, то, несмотря на то что все указывают на его гибель, на самом деле он жив и, по его словам, он ехал в другой машине, впереди автомобиля Дуррути. «Рагар» утверждает, что несчастный случай произошёл внутри автомобиля, между тем как Бонилья указывает, что Дуррути вышел из него, поговорил с «милисьянос», что у него при себе не было «нارانхеро», и что если авария и имела место, то после входа в машину. «Рагар» — мистический персонаж, которого никто не упоминает, и его имя едва известно; все утверждают, что настоящее имя никому не известно. Следовательно, присутствие этого «незнакомца» в те моменты, наверное, было случайным или же его пытаются скрыть намеренно, что не говорит в пользу некоего «Рагара» ...

Двое других, о которых в этой связи идёт речь, как со стороны Моссена Хесуса Арналя, так и журналиста Анхеля Монтото, — это Рикардо Рионда и Федерика Монтсени.

Мы написали два письма Хесусу Арналю — в мае и 13 июня 1971 года, после публикации его репортажей в La Prensa. Что касается его утверждений, мы обратились за подтверждением к упомянутым ранее лицам. Рионда написал ответ 21 и 26 июля 1971 года. В обоих письмах он сообщает:

«Перехожу к теме гибели Дуррути. Меня с ним не было. Рядом с Дуррути находились: водитель, Мансана и один каталонец, которого он всегда брал как охранника. Я сам был на Монклоа, и именно там я узнал о случившемся... я тотчас же поехал к Дуррути (...). Первая новость, переданная по фашистскому радио: “Дуррути погибает от рук коммунистов”. Вторая новость: “Его убила собственная охрана”. НКТ была вынуждена вмешаться для разъяснения (...).

Я хочу сказать тебе, что Хесусу рассказали об этом (версия о несчастном случае) водитель и тот, кто был охранником. Хесус не знал, жив ли я, и однажды ко мне приехал один парень из Барселоны и сказал, что он знает, каким образом погиб Дуррути (...). Всё это для меня чрезвычайно важно, так как мне никогда не пришло в голову высказываться об обстоятельствах смерти Дуррути. Я думаю, всё это является пропагандой определённой Коммунистической партии (...). Этот Хесус после работал со мной в качестве секретаря, он никогда не задавал мне вопросов о смерти Дуррути (...). (Хесус достал мой адрес.) Затем я получил от него четыре письма. Я ответил ему, и вот однажды он приезжает ко мне в Реальвиль; после обычных приветствий говорит мне, что “Дуррути ранили на Монклоа”, но я ему говорю, что нет — на Монклоа был я, и именно там получил новость о случившемся. Потом Хесус говорит мне: “Ты знаешь, водитель и тот, кто нёс «наранхеро», утверждают, что «наранхеро» выстрелил сам, и он скончался спустя какое-то время”. Я сказал Хесусу, что не мог ничего такого говорить, потому что меня не было в машине, и что у меня нет иной версии, кроме той, которую мне сообщил Мансана». И в завершение этой темы Рионда нам пишет: «Ты можешь утверждать, без опасения оказаться опровергнутым, что Дуррути погиб в Мадриде, защищая социальную революцию». Со своей стороны, Федерика Монтсени нам пишет:

«О смерти Дуррути я могу сказать тебе, что я, говоря с немцами (Ханс Магнус Энцерсбергер) и с Монтото, придерживалась версии, которая всегда была официальной: Дуррути погиб от выстрела, когда выходил из автомобиля. Монтото был первым выдвинувшим версию несчастного случая, согласно рассказу известного священника. Ханс поговорил с Монтото, и, когда он вернулся из поездки в Барселону, всплыла идея об аварии, и даже я засомневалась, так как мне были приведены свидетельства медиков (Федерика узнала только о версии выстрела в упор, но не о диагнозе Бастоса Ансарта). Но самое худшее — это утверждение Рионды, к которому сперва съездил Монтото, а потом немцы. Рионда говорит, что он узнал обо всём от Мансаны и что все держали произошедшее в тайне по указанию Марианета, который считал такую смерть настолько абсурдной, что никто бы не поверил в неё. И что все пообещали молчать и что до сих пор, по прошествии 35 лет, никто не разглашает правду. Я не знаю, находился ли Рионда в Мадриде в момент гибели Дуррути. Думаю, что ты должен написать ему... и спросить, и пусть он расскажет тебе о своём варианте случившегося.

Священнику я ничего не говорила, потому что никогда его не видела. Я всегда думала, что это была шальная пуля; и даже если и не была полностью уверена в этом, выражая какие-либо сомнения, то только после свидетельства Рионды. Я могу тебе сказать, что никто НИКОГДА не представил мне иной версии гибели Дуррути, кроме официально принятой.

(...) Нет никакого показания с моей стороны в поддержку тезиса давнишнего священника, я повторяю тебе, что в жизни его не видела; я впервые узнала о его существовании от Монтото. Но при существующем положении вещей мои показания могут иметь абсолютную ценность в обратном смысле, потому что МЕНЯ НЕ БЫЛО В МАДРИДЕ В МОМЕНТ ГИБЕЛИ. Мариано прибыл (в Мадрид) раньше меня, и следует узнать, был ли там Рионда. Во всяком случае, тайна была настолько хорошо сохранена, что никто до сегодняшнего дня не подозревал, что она как таковая могла существовать. Было высказано множество версий: от убийства коммунистами и вплоть до выстрела охранника (идея коммунистов, в защиту от обвиняющей их версии). Но то, что это был несчастный случай его собственного “наранхеро”, — никто и никогда мне не говорил об этом. ДО СЕГОДНЯШНЕГО ДНЯ.

Я озадачена и ошеломлена, как и ты, в отношении всего этого. Пиши мне, если узнаешь что-нибудь (28 июля 1971 года)».

Нужно уточнить эти письма. Начнём с Рионды. Два его письма были написаны в июле 1971 года. В те дни он сильно болел и перенёс операцию на глазах. Он находился именно в таком физическом и психическом состоянии, когда его посетил сначала Монтото, а затем — Хесус Арналь. Согласно строкам из писем Рионды, можно прийти к заключению, что он ничего не говорил Хесусу Арналю в отношении гибели Дуррути. Напротив, именно тот представил свою версию несчастного случая. Рионда лишь ограничился утверждением: он знал версию, рассказанную ему Мансаной, «так как его самого не было в автомобиле». Арналь предоставил ему доказательства: показания таинственного «Рагара» и разговор с Марио Пачеко. Перед Риондой оказались новые данные, которые он не мог ни опровергнуть, ни подтвердить; из всего этого мы заключаем, что при пересечении границы Рионда не рассказал Хесусу Арналю ничего, что касалось бы гибели Дуррути. Откуда же Арналь взял эту версию? Сам Арналь, того не желая, рассказывает нам об этом:

«Чтобы подтвердить правдивость этой версии (авторства Рионды), где-то пару лет назад (другими словами — приблизительно в 1967 году) в моём приходе, в Бальобаре, снимался фильм под названием “Вылазка” (Golpe de mano). Во время съёмок, которые длились довольно долго, я подружился со всеми техниками, там занятыми, и однажды один из них, по имени Марио Пачеко, житель Мадрида, сидя у меня дома за пивом, говорит:

— Дон Хесус, я отсюда не уйду, пока вы мне не расскажете, как погиб Дуррути.

— А зачем вам это понадобилось? — спрашиваю я у него.

— Да так, мне надо знать, и повторяю, что не уйду, пока вы мне не скажете.

Наконец я ему передал версию Рико, которую ранее не раз рассказывал.

— Вы правы, — говорит он мне, — дело в том, что водитель Хулио до самой пенсии служил помощником у моего отца, и несколько раз мы говорили об этом. Всё случилось на Пласа де Монклоа, и именно так, как вы говорите: кроме того, в том месте, где он упал, нарисовали красно-чёрное знамя, которое продержалось довольно долго.

Я всегда думал, что я — один из немногих, знающих правду, — пишет Арналь, — о таком важном историческом факте, который без прямого желания его оглашения стал известен следующим образом». Однако перед тем, как объяснить, каким именно способом он стал известен, мы просим у читателя позволения уточнить следующий пункт: по словам самого Арналя, рассказ Рионды представлял из себя свидетельство доверия. И когда речь идёт о священнике, это доверие подразумевает полное забвение рассказанного. Если на самом деле Рионда открыл ему тайну, не было бы правильнее попросить у самого Рионды разрешения на её разглашение? Не проконсультироваться с Риондой явилось настоящим злоупотреблением доверием. Тем не менее, так как Рионда заверяет нас, что ничего не говорил Арналю при переходе границы, оставим этот пункт на другом уровне. Смерть Дуррути всегда была тайной для всех. Арналь был известен в Бальобаре как «поп Дуррути», ничего особенного, так как если некто Пачеко и подозревал что-либо (в случае если его утверждения в отношении Хулио были верными), они выяснились бы в его беседе со знаменитым «попом Дуррути». Мы думаем, что именно во время этих бесед заварилась вся эта каша. Итак, если вышеназванный священник хотел получить более полное подтверждение, почему он не воспользовался возможностью поговорить с самым достоверным свидетелем, Хулио, ведь это явилось бы показанием из первых рук? Пачеко, согласно его словам, был другом Хулио и, следовательно, знал его адрес. Упомянутый священник не сделал этого — напротив, стал крутиться как белка в колесе, доведываясь у косвенных свидетелей, таких как медики, и, позднее, у Рионды. Эта оплошность в поступках Арналя ставит нас в тупик, особенно когда он пишет: «который, без прямого желания его оглашения, стал известен». Верно, что Арналь не желал, а «намеревался», как он сам говорит, так как мы думаем: никто не приставлял к его груди дуло пистолета для того, чтобы заставить «предать» друга Рионду.

«В ноябре 1969 года, — пишет Арналь, — меня посетили журналисты из филиала агентства EFE из Монсона; они сказали мне, что узнали о моей работе над мемуарами и просили меня дать предварительную информацию. Итак, они настоятельно упрасивали меня дать им интервью. Результатом этого визита стала публикация 11 ноября репортажа в вечерней газете Барселоны “Эль Нотисиеро Универсаль” (El Noticiero Universal).

Тема уже стала достоянием публики, и все ожидали скандального репортажа. Так и случилось.

В июле 1970 года ко мне приехал редактор газеты “Ла Пренса” (La Prensa) (...). Как водится, репортёр, дон Анхель Монтото, задал вопросы о гибели Дуррути...»

С того самого момента священник и журналист превратились в детективов. На сцену выходит «Рагар»; посещают врачей; наносят визит Рионде и Федерике; но забывают связаться с Пачеко, чтобы расспросить Хулио, и забывают сравнить диагнозы Сантамарии и Бастоса. Продолжим читать Арналя:

«Так, продолжая наши расследования, дон Анхель Монтото посетил во Франции Федерику Монтсени и, вернувшись, сказал мне:

— Она признала, что мы на верном пути, утверждая, что гибель Дуррути произошла в результате несчастного случая».

Федерика Монтсени категорично отрицает такое утверждение. Её заставили сомневаться, когда представили сказанное Риондой и «Рагаром» как реальные факты, но она не признала ничего по той простой причине, что не располагала возможностью ни признать, ни отрицать, так как её не было на месте происшествия. Что она была в состоянии сделать — так это подтвердить версию, просуществовавшую 35 лет.

Мы не ставим под сомнение слова Федерики — считаем, что она достаточно умна, способна думать и ясно выражать свои мысли. Почему же Арналь, не предприняв никаких дополнительных расследований, подтверждает сказанное Монтото как абсолютную истину? Это легкомысленно в отношении данной темы. В этой версии «давнишнего священника» мы видим, как смешиваются журналисты Агентства EFE, директор-фалангист газеты «Ла Пренса», и в довершение ко всему происходит ссора священника и журналиста Монтото, которую мы представляем в качестве эпилога упомянутого сотрудничества.

В своём письме от 13 июня 1971 года Хесус Арналь пишет:

«Что касается адреса Монтото, то я не хочу Вам его давать, чтобы он не смог опутать Вас, как сделал это со мной; конечно, Вы можете найти его в телефонном справочнике, так как он уже не работает в газете “Ла Пренса”, и кроме того, я хочу сообщить Вам: у него нет удостоверения журналиста. Он устроил какую-то махинацию с немецким телевидением, которое, похоже, заинтересовалось темой Дуррути; намечались съёмки в Венте и Кастилье, куда они должны были везти меня на машине, и хорошо, что вовремя обо всём стало известно полиции, и оказалось, что у них нет никакого разрешения; зато мои мемуары — в глубокой спячке; он пообещал мне немного подправить стиль, но на самом деле работал только для своей выгоды. Сейчас мне надо отобрать у него весь мой материал — посмотрим, может, когда-нибудь удастся его опубликовать, что весьма нелегко; но я подумал, я — не историк, всего лишь пытаюсь обосновать моё пребывание в колонне и защитить память Дуррути». Здесь мы заканчиваем цитирование Арналя. И, быть может, в качестве заключения зададим такой вопрос: какое название бы подошло этой версии? Меркантилизация секрета... если и был секрет как таковой.

Версия #1

Зверобой создал 28 июля 2025 22:19:24

Зверобой обновил 28 июля 2025 22:28:01